

The illustration is split into two horizontal panels. The top panel shows a woman with a large, ornate, circular headdress made of red and white patterns. She is wearing a red and white dress and is seated on a stone ledge. The background is a dark, patterned wall with a glowing red starburst. The bottom panel shows a man with a long white beard, wearing a red turban and a red robe, kneeling on a patterned rug. He is surrounded by various pieces of jewelry, including necklaces, bracelets, and rings, which are scattered on the floor. There are also several ornate vessels, including a large golden pot and a smaller one, and a lit candle in a holder. The overall style is reminiscent of traditional Central Asian or Persian art.

ЮНУС ОГУЗ

ЖЕНА ШАХА И КОЛДУН

Юнус Огуз

Жена шаха и колдун

«Издательские решения»

Огуз Ю.

Жена шаха и колдун / Ю. Огуз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964540-1

Роман написан в популярном сегодня жанре исторического романа с элементами магии, эротики и приключений. События происходят в XVI веке в Сефевидской империи. Чтобы добиться власти, жена принца Мухаммеда Мирзы, персиянка Хейраниса, не останавливается ни перед чем. В ход идут интриги, убийства, подкуп... Но главное оружие этой «Леди Макбет» — Колдун. Двадцать лет исполняющий любые её желания, он приводит мужа Хейранисы к шахскому престолу, а ее саму — к фактической власти.

ISBN 978-5-44-964540-1

© Огуз Ю.

© Издательские решения

Жена шаха и колдун

Юнус Огуз

© Юнус Огуз, 2019

ISBN 978-5-4496-4540-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хейраниса выходит замуж

С начала зимы в Мазандаранских лесах не было такого количества снега. Мороз, продирающий до костей, и холодный, пронизывающий ветер были совершенно не характерны для этих мест. Дождь, начинавшийся днем, к вечеру резко превращался в снег, мороз крепчал, резал, словно нож; с веток деревьев свисали сосульки. Казалось, природа прочувствовала свадебное настроение в окрестностях и решила привнести свою лепту, развесив на деревья сверкающие ледяные серьги. Сильный ветер, бушевавший меж разлапистых елей, раскачивал обледеневшие ветки, звон ледяных серег напоминал звук музыкальных инструментов древнего мира, какую-то старинную мелодию. Природа словно пела колыбельную лесу; отяжелевшие ото льда ветки, съежившись, пригнулись к земле, словно уснувшие глубоким сном. Иногда из пугающих дебрей леса доносился вой зверя или жуткий хохот филина. Но все это отнюдь не нарушало гармонию красоты белого снега и мороза. Ближе к утру ветер, словно чабанский пес, гоняющий баранов, развел тучи на небе, уступив дорогу ярким лучам восходящего солнца. Снег, падавший всю ночь, от ярких утренних лучей солнца засверкал, словно рассыпанные разноцветные бусинки. А в некоторых местах снег, разметавшийся неугомонным ветром, блистал, словно тысячи звездочек. Казалось, будто солнце подрагивает, осыпая все кругом золотой светящейся пылью.

Тишину леса вдруг нарушил топот копыт, ржание лошадей и звон бубенцов движущегося каравана. Впереди ехали пятнадцать-двадцать слуг; деревянными лопатами они расчищали снег, стряхивали его с веток елей, открывая дорогу движущимся позади всадникам. Вместе со снегом с лап елей, звеня, падали серьги-сосульки. Теперь лес наполнился совершенно другими звуками. Каждый раз, когда войлочная обувь передовой группы соприкасалась с хрустящим снегом, а копыта лошадей оставляли на нем отпечатки, раздавался хруст, от которых спавший под сладкую колыбельную лес проснулся.

Всадники, следовавшие след в след по лесу, вышли на опушку и остановились. Белоснежная пелена впереди обжигала глаза, и всадники, козырьком приставив ладонь к лицу от слепящей белизны, пытались понять, чего ждет передовая группа. Вдалеке был виден большой город, словно завернувшийся в белоснежный шелковый платок. Чем ближе подъезжали всадники, тем отчетливее был виден город. Дым из печных труб стелился над домами, напоминала красивые узоры на шелковом платке. На открытом пространстве лошадям двигаться уже было легче, и следовавший позади всадник по имени Абдул, нарушив строй, пришпорил коня и поравнялся с возглавляющим конный отряд Фирдоуси. Теперь всадники ехали рядом.

– Ты смотри, Фирдоуси, сколько снега навалило, а мороз какой? – произнес Абдул, снимая однопалую рукавицу и стряхивая с бороды и усов иней.

– Да, ты прав, Абдул, – подтвердил его слова Фирдоуси. – Я вообще не могу припомнить такую суровую зиму. Но если есть что-то, что может согреть нам душу, то что нам снег, что нам мороз? – Фирдоуси самому понравилась поэтическая фраза; он улыбнулся. – Самое главное то, что мы едем вершить свое будущее. Да продлит Аллах года Гази Джахана! Да... только одному

Аллаху известно, какой была бы наша судьба, если бы он своей изворотливостью не вошел в доверие шаха и не стал визирем.

– Ты абсолютно прав, ага, – поддержал Фирдоуси Абдул. – В этом царстве наша единственная опора – это Гази Джахан. Не будь его, никому в голову не пришло бы убедить шаха Тахмасиба выдать дочь правителя Мазандарана за принца. Мы достигли желаемого, первого этапа нашей цели. Далее, благодаря дочери шаха, достигнем и шахского трона, и, иншаллах, во дворце и визири, и прочие будут нашими людьми.

Фирдоуси тоже произнес «иншаллах», потом похвалил собеседника:

– Если даже мы этого не увидим, увидит наш род. А ты хорошо придумал с этим колдуном, ага. И еще эту красивую служанку для дочери шаха... Я о Зиньят.

– А что ты думал, – хвастливо произнес Абдул. – Это очень сильный колдун. Он настолько силен, что заставляет пшеницу, ячмень, иголки двигаться по стенам. Издалека может управлять мозгами человека, подчинять его своей воле. Одним словом, брат, он умеет все. Но его надо держать под сильным контролем, чтобы, так сказать, не сошел с тропы.

Абдул обернулся в хвост каравана. На одной из повозок, съезжившийся, весь в черном, сидел человек. Весь путь он общался с этим человеком. Потом Абдул посмотрел на друга и шепотом сказал:

– Но никто не должен знать об этом секрете. Если огузские беки проведают об этом, наши шкуры набьют соломой.

Фирдоуси слегка кивнул головой:

– Ты прав, ага! Но как спрятать такое большое шило в мешке? Во дворце у каждой стены есть уши. Разно или поздно это вылезет наружу. Что тогда? Если эти турки что-то заподозрят, они обязательно докопаются до сути.

Собеседник расстегнул последнюю пуговицу шубы, вздохнул полной грудью. Однако морозный воздух заставил его закашляться. Кое-как подавив кашель, он успокоился.

– А кто тебе сказал, что колдун будет жить во дворце, возле девушки? Но, если он окажется во дворце... Нет, это значит рано или поздно бросить его в объятия смерти.

Фирдоуси ничего не понял.

– А как все будет происходить. Как связь будем налаживать?

Абдул хихикнул:

– Я все давно продумал. В каком городе будут жить принц Мухаммед Мирза и наша Хейраниса, туда и отправится колдун творить свои дела. А связь будет налажена через служанку Зиньят. Понял?

У Фирдоуси от удивления расширились зрачки, кажется, он что-то начал понимать. Ничего не ответив, он просто согласно кивнул в ответ головой.

– Ты хорошо все придумал, ага! Значит, Зиньят будет своеобразным посредником, эдаким звеном между колдуном и Хейранисой.

– На самом деле мы все звенья одно цепи. Но не дай Аллах наступит день, когда эта цепь обернется вокруг нашей шеи. До конца жизни будем в петле...

Фирдоуси хорошо понял, что имел в виду Абдул. Чтобы все осталось в секрете, он не только брал на испуг, но еще и угрожал. Секрет был государственной важности и его не доверяли каждому. Если ему доверили, значит, верят. Поэтому Фирдоуси ответил собеседнику той же монетой.

– Не волнуйся, ага! Мы не позволим, чтобы цепь обернулась вокруг нашей шеи. Перед нами более важная задача.

Абдул снова тихонько хихикнул. В этот момент на белоснежной равнине показалось темное пятно. Приближаясь, оно увеличивалось, превратившись в группу всадников. Это были встречавшие гостей...

Шестнадцатилетняя Хейраниса ходила в своей комнате из угла в угол, не находя себе места. Взмолвленная, она уже устала мерить большую комнату стремительными шагами, от которых развевались многочисленные складки широких одежд. Большая цветастая шаль, придающая юной девушке особую красоту, иногда сползая с головы, ниспадала на плечи; Хейраниса вновь нервно набрасывала ее на голову и все ходила, ходила... Казалось, в комнате, устланной коврами, летала красивая бабочка. Осторожно ступая ножкам по ковру, она словно пыталась взлететь.

Хейраниса была рассержена. Весь внутренний мир ее мечтаний, все думы были разрушены. Она, как и все ее сверстницы, мечтала стать счастливой женщиной, растить детей. Когда мать сообщила ей новость, она очень обрадовалась. Шах хотел Хейранису сделать женой своего сына! Как не радоваться в этом случае молоденькой девушке, мечтающей выйти замуж?! Но уже потом, когда она узнала от матери, что ее суженный полуслепой и болезненный, внутри все перевернулось: слепой и никудышный муж. Она ждала совсем не этого. Она всегда мечтала о том, что ее суженный будет статным, широкоплечим, с могучим здоровьем, ласковым, готовым выполнять все ее желания, и проживет она с ним под одной крышей долгие годы. Она всегда будет его ждать, иногда нетерпеливо поглядывая на дорогу, а услышав конский топот, сразу даст распоряжения слугам... Но теперь ей не суждено этого сделать. Полуслепой, немощный муж будет печься только о себе. Даже если он принц, все равно останется наедине со своими болячками. А это привет к тому, что невеста, вместо того, чтобы стать любимой женой, на самом деле окажется личной и самой близкой служанкой принца.

Думать обо всем этом Хейранисе было крайне тяжело. Вначале ей хотелось покончить с собой, дабы навсегда избавиться от мыслей, которые грызли ей душу. Но мать вовремя спохватилась, поняв, что вконец расстроенная дочь может наложить на себя руки. По этой причине она решила опередить события, приставив к Хейранисе служанку, которой приказала ни на минуту не оставлять дочь без присмотра. А вот напутствие отца немного успокоила Хейранису.

Внимательно слушая слова отца, правителя Мазандарана, сидевшего скрестив ноги у очага и не отрывающего взгляда от языков пламени, она пыталась понять, почему ее хотят выдать за принца. Девушка понимала, что на нее не только возлагается большая ответственность, но для этого ей выделяют помощников. Между слов отец иногда намекал ей, что «придет время, и ты будешь управлять этим могучим государством». Для этого нужно было готовиться. Старший сын шаха считался наследником престола, и она, значит, станет женой шаха. Но когда это произойдет, не знает никто. Но Хейраниса внутренне чувствовала, что это случится обязательно. Жизнь не вечна, даже если ты шах. Родившись однажды в один прекрасный день, можно и умереть. Независимо от того, ешь ты каждый день мед или ежедневно питаешься сыром и простоквашей. После разговора с отцом она еще точно не знала, какие шаги предпримет в дальнейшем, но чувствовала, что забота и внимание к ней усилились. Кроме этого, из персидских областей ей посылали дары, из других мест страны приходили поздравления, полные сундуки с подарками.

Хейраниса остановилась перед окном. Она с интересом смотрела на молодых людей, увлеченно игравших в снежки. Ей тоже хотелось вот такой беззаботной молодости. Но, к сожалению, это в ее судьбе не было прописано. Ее судьбу еще до рождения определили старые мудрые люди. Хейраниса подняла голову и посмотрела на затянутое тучами небо. Ее мечты словно испарились за тучами, ушли ввысь, стали недоступными.

Эта шестнадцатилетняя девочка хотя и не совсем понимала все то, что ей говорят, но в глубине ее души потихоньку зрел огонек надежды. Но отказаться от своих прошлых грез тоже не хотелось.

В ее душе шла борьба между грезами и действительностью. И по всему было видно, что действительность побеждает.

Хейраниса была обаятельной и красивой, но, говорят, что она выглядела еще лучше, когда оборачивалась назад. Тетки очень часто звали ее в спину, и когда Хейраниса оборачивалась, смеялась, любовались ею. Но сейчас, когда мать резко открыла створки дверей, а Хейраниса нутром почувствовала, что это она, девушка не повернулась. Незаметно промокнула платочком набежавшую слезу. Мать подошла сзади, обняла и поцеловала ее.

– Моя красавица-дочь не скучает?

Вместо ответа Хейраниса резко повернулась, обняла мать и разрыдалась. В этот миг откуда-то возникла служанка. Мать в этом дворце распознавала каждого не только по шагам, но и по дыханию. Поняла это она и сейчас и, не поворачиваясь и не выпуская дочь из объятий, сделала рукой знак: мол, ступай. После того как служанка исчезла за высокими створками двери, слезы потекли и по щекам матери.

– Матушка! – вскрикнула Хейраниса сквозь рыдания. Услышав ответ: «да, мое солнце», еще более растрогалась: – Матушка, даже если он принц, но я ведь не люблю этого тюрка!

Мать вытерла слезы тыльной стороной ладони, потом приложила палец к губам дочери.

– Молчи, девочка, молчи! Не гневи Аллаха! Подобными разговорами ты разрушишь наш дом. Ты ведь знаешь, что твой отец подневолен тюркскому шаху. Земля, деревья, даже камни здесь имеют уши. Если твои слова дойдут до шаха, он вырежет весь наш род. Из голов всех наших мужчин построит курган. Ты хочешь, чтобы исчез наш род?

Мать объясняла все очень понятно, растолковывала дочери все тонкости. Хейраниса внимательно слушала и больше не плакала. На сердце грустно, взгляд уставлен в одну точку, но, тем не менее, слезы высохли и она слушает.

– Ты что же, считаешь тюрков мямлями? У них даже мертвый могущественен. Против них нельзя воевать открыто, против них надо действовать хитростью, коварством, сладкой речью. Если тебе это удастся, ты будешь самой счастливой женщиной мира. Разве ты не хочешь, чтобы весь мир был у твоих ног? Тогда победи мужа-тюрка, отомсти ему.

Хейраниса, подумав, ответила:

– Хочу, но...

– Никаких «но», – прервала ее мать. – Шах приказал, он хочет, чтобы ты была женой его сына, а отец с этим согласился. Впрочем, шах мог бы засватать тебя и для себя. А что делать, как не соглашаться? Отец служит шаху. А шах – он и есть шах. Ты знаешь, как отец радовался этому браку? Во дворце многие этому завидуют. Это не шутка, стать сватом самого шаха. – Положив руку на спину дочери, мать погладила ее. – И потом, даже если бы мы отказали ему, тебя бы забрали силой, для них это проще простого. Нельзя идти против воли шаха. Это будет позор на весь наш род. Ты же у меня умница!.. Сама подумай, может, я не права? Повторяю, если мы откажем ему, шах может силой выдать тебя за старика и даже за своего шута. Что ты будешь делать тогда? И отца могут выгнать со службы. Подумай, моя умница. Какая тебе разница, какой мужчина тебе попадется? Подчиниться тюрку или подчинить его себе – тоже в радость.

Хейраниса, обезоруженная железными аргументами матери, понимала, что назад пути нет. Это был предел. Надежда, проснувшаяся с утренней зарей, растворилась под солнечными лучами. Но, вспомнив слова отца – «В будущем будет так, что этим огромным государством будешь управлять ты!» – в ее душе затеплилась новая надежда. Быть женой шаха! Это и есть самое большое счастье! Причем женой совсем немого шаха. Разве ради такого счастья не развелись бы со своими мужьями ее тетки? Стать шахбану означало то, что ты способна заставить всех красивых мужчин преклонить перед тобой колени. Имела ли она право так пренебрежительно относиться к этому? Отказаться от этого было бы полным безумием.

В душе у нее потеплело. Однако эта новая надежда была отнюдь не такой чистой, как прежняя. В этой надежде рядом могло быть все – хитрость и коварство, предательство и позор, даже колдовство и магия. Кто это придумал, был абсолютно прав.

Время, отвернувшись от действительности, уносило Хейранису вдаль.

Ага Дервиш предупреждает Перихан ханум

1576 год, Газвин, Дворец Чехелсутун

Ага Дервиш сейчас уже не тот, каким был в самые лучшие времена Тахмасиб шаха. Теперь ему уже более девяноста, он окончательно обосновался в Ардебиле и уже не кочевал из области в область, не снабжал своего шаха различными точными сведениями. Он уже давно достиг суфийского ранга Шейхвенд. Теперь он узнавал обо всем раньше всех. Известия приходили к нему со всех концов ханства. Были среди них грустные, были и радостные. Но теперь он уже не служил напрямую шаху, а государству, народу, своей суфийской общине. И поэтому чувствовал на себе очень большую ответственность.

Последние известия из Шираза не только взволновали его, но и лишили сна. Жена принца Мухаммеда Мирзы Хейраниса активно включилась в борьбу за власть. Потому как за старшим сыном шаха было право наследства, Хейраниса, на первый взгляд, отстаивала это законное право. Это было их семейно дело. Но... почему она так торопится? Не стоит ли за этим нечто другое? По слухам, Хейраниса содержала даже колдуна. Не слишком ли велика для одной женщины такая предусмотрительность? А, может, жена принца в этой борьбе печется лишь о себе? Может, она намерена после Тахмасиб шаха управлять государством единолично? Все может быть. Во всяком случае, на это было похоже. В таком случае, это в будущем могло быть большой опасностью для государства Сефевидов. Помнится, когда Тахмасиб решил попросить руки дочери правителя для своего сына, Шейхвенд тайком от него провел свое расследование. Потом на основе известных только ему расчетов проделал кое-какие дела. Результат оказался далеко не радужным. Но шах с ним не советовался, не проявил интереса к последствиям этого брака. А Шейхвенд и не настаивал. Действия шахов просчитать невозможно, по-видимому, у них свои расчеты и планы. Кроме того, у него были улямы, астрологи. Вмешиваться в чьи-то дела не подобало. Этого не позволяли ни возраст, ни седая борода, а, тем более, был не тот момент. Но теперь... теперь было самое время. Жить в стране Сефевидов, подпитываться силой веры кызылбашей поклоняться пир; м и при этом оставаться равнодушным к его судьбе, судьбе правителя? Нет, он не имел на это права, это было не по-мужски и не соответствовало шариату.

Утвердившись в этих мыслях и собственной правоте, Ага Дервиш понял, что ни терпеливо ждать, ни оставаться равнодушным он не сможет. Служа этому шаху, он не раз глядел смерти в глаза и теперь он не мог оставить шаха во власти какой-то чужой, не тюркской женщины. Он должен был сказать свое слово, выполнить свой долг. Окончательный же результат зависел от решения шаха Тахмасиба.

...Когда старый Шейхвенд выезжал в паланкине из гробницы Шейха Сафи, дервиши и мюриды отправились в путь за ним. Солнечные лучи только-только начали разливаться по небу, как уже открылись ворота Газвина. Ага Дервиш приподнял полог паланкина и взглянул на небо. Было тихо, на небе ни облачка. Его губы, прячущиеся под белоснежными усами и бородой, разошлись в мягкой улыбке. Такое состояние природы у дервишей считалось благоприятным знаком. За воротами города его ждали еще большее число дервишей и мюридов. Лицо Ага Дервиша еще более просветлело.

Все, слегка склонив головы, приветствовали его.

– Слава шаху!

Шейхвенд, вытянув руку из-под полога, приветствовал их. А в душе с энтузиазмом тоже произнес «Слава шаху!».

В остроконечных шапках на головах, в хламидах из грубой ткани, с хурджунами из такой же материи через плечо, поток людей отправился вслед за Ага Дервишем...

Тахмасиб шах очень любил свою сестру Перихан. После таинственной смерти сестры он назвал ее именем свою дочь. Перихан для своего времени имела великолепное образование, писала очень хорошие стихи. Дочь шаха была единственной женщиной, кто присутствовал на собраниях государственного совета, активно участвовала в обсуждениях всех вопросов, доходчиво и последовательно излагала свои мысли. Умными и логичными ответами она могла большинство членов совета посадить на место.

Тахмасиб шах сильно пополнил и в то же время постарел. Из-за чрезмерной полноты он уже давно не садился на коня, в походы отправлялся на повозке. Когда два года назад заболел и слег, все решили, что он уже не встанет, и две противоборствующие группировки во дворце ввязались в борьбу за шахский престол. Одним из них был сын шаха от жены-грузинки – двадцатилетний Гейдар Мирза. Видя старость отца и его тяжелое состояние, Гейдар Мирза смог взять все дворцовые дела в свои руки и занять большое число сторонников. К нему во дворец примкнули внук Мунташа Султана Мурадхан Суфречи, Гусейн бек Юзбашы и старший стражи шаха Пири бек Гочулу, а также Ямирахурбашы Мухаммед бек, Султан Айчек. Они мечтали о том, чтобы Гейдар Мирза стал шахом.

Во главе второй противоборствующей группировки стояла любимая дочь шаха Перихан. Она хотела, чтобы шахом стал ее родной по отцу и матери брат Исмаил, который указом шаха был заточен в крепость Гехгехе. Его во дворце поддерживали представители родов авшаров, румов и туркманов Гусейнкулу Хулафа Румлу, Амираслан Султан Афшар, Гейдар Султан Чабук Туркман. Эти эмиры были против того, чтобы шахом стал представитель смешанного рода.

Прошло немного времени, шах выздоровел, противоборствующие стороны были вынуждены замолчать. Но это было временным явлением, и стороны прекрасно это понимали...

...Стояла прекрасная весенняя погода, лучи не очень жаркого солнца согревали землю, деревья оживали. В дворцовом же саду природа проснулась от зимней спячки словно раньше других. На деревьях распустились белые, розовые и красные цветы, все кругом дышало весенней красотой. От запаха цветущих деревьев кружилась голова. В высокой зеленой траве сапоги садовника оставляли следы. Трава, словно обиженная на людей, пригибалась до земли.

Посреди сада стояла беседка, выкрашенная в голубой цвет. Встреча Ага Дервиша и Перихан по инициативе Шейхвенда должна была произойти именно здесь.

Когда Перихан подошла к нему, старик все еще был во власти своих мыслей. Вспомнил былое, иногда тяжело вздыхая. Несмотря на то, что она была дочерью шаха, Перихан, тем не менее, взяла правую руку Ага Дервиша и поцеловала ее, потом поднесла к своему лбу. Кроме такого нежного и почтительного приветствия, она, все так же стоя, чуть склонила голову. Вдруг Перихан показалось, что этот волевой, светлый человек пришел издалека, из древности. Ага Дервиш был очень уважаемым человеком в государстве и она это хорошо знала. Шейхвенд поднял голову, внимательно посмотрел на стоящую перед ним двадцативосьмилетнюю красивую девушку, и, вспомнив, кто она есть, почтительно, но в тоже время с беспокойством в голосе, произнес:

– Садись, дочка, садись!

Дочь шаха, ответив ему своей очаровательной улыбкой, молча присела на скамью напротив. Еще раз исподволь взглянув на старца, она многое для себя уточнила. В глубине светящихся глаз этого убеленного сединами старца она увидела волнение, смятение, любовь и верность.

– Как поживает твой отец шах? – с тонким намеком спросил Шейхвенд.

– Шах он и есть шах! – таким же тоном двусмысленно ответила Перихан. Потом глубоко вздохнула: – Мой отец шах устранился от всех дел. Все государственные дела поручил Гейдару Мирзе. А он считается только с коварными манерами и грубыми выражениями своей грузинки-матери. Не приведи Аллах, но если завтра с моим отцом что-то случится, судьбе государства будет не позавидовать. Этого я себе даже представить не могу. А самой большой трагедией будет то, если Гейдар Мирза станет шахом. Ты можешь себе это представить, Шейх?

Все это девушка говорила тихим голосом, грустно, но с большим волнением.

– То есть ты хочешь сказать, что наш шах выбрал себе наследником Гейдара Мирзу? – поглаживая бороду, спросил Шейхвенд.

Перихан немного помедлила с ответом.

– Н-е-ет, пока не наследником. – Она замолчала, пытаясь получше сформулировать свою мысль. – У шаха официально такого завещания нет, но из-за того, что он все дела дивана поручил ему, можно придти к такому выводу.

Ага Дервиш поднял голову, внимательно посмотрел в глаза девушке и на мгновение ушел в раздумье. «То, что красива и умна, вне всяких сомнений. Но, кажется, и в ней достаточно злости и гнева. Ей хочется, чтобы все зависело от нее. От кого больше может пострадать правитель: от Хейранисы или от этой? И та, и эта – женщины. Эх, Сефевидский шах, ты зависишь от женщин».

Дочь шаха словно читала его мысли. Ответ оказался верным.

– И еще... Говорят, что женщина не может стать шахом. Я тоже так думаю, но и наследник должен быть таким, чтобы устраивал всех и мог управлять государством.

Шейхвенд в душе произнес «молодец» и вновь погладил бороду:

– Мне известно, что ты на стороне Исмаила Мирзы. Это правда?

Перихан густо покраснела. Честно говоря, такого вопроса она не ожидала. Ардебильские шейхи на самом деле обо всем узнают первыми. Понимая, что отпираться бесполезно, уверенно ответила:

– Правда. Я хочу, чтобы именно Исмаил был наследником. Но это пока остается лишь моим желанием.

Ага Дервиш тихо улыбнулся.

– Твое желание сбудется, дочь моя, но ты должна знать, что тебя ожидают большие трудности.

Девушка, ничего не поняв из этой фразы, скривила губы. Потом, взглянув на абсолютно белую бороду старца, попыталась что-то понять.

– Нет, я ничего не поняла, Ага Дервиш... ой, Шейх! Мне грозит опасность из дворца?

– Нет, опасность из дворца ты сможешь перебороть, но с востока государства... – С трудом подняв голову, он огляделся. – Из Шираза...

Услышав слово «Шираз», девушка чуть успокоилась.

– Ага Дервиш, Мухаммед Мирза не может быть опасен для меня.

– Я ничего не сказал о Мухаммеде Мирзе. Берегись его жены, дочери правителя Мазандарана Хейранисы! По имеющимся у меня сведениям, она не скрывает своих претензий и злости. Понятно, что она хочет посредством Мухаммеда Мирзы управлять государством самостоятельно.

Шейхвенд встал. Это было знаком, что разговор окончен. После этого он должен был посетить шаха. Они будут беседовать, вспоминать былое.

– Что надо делать, ты прекрасно знаешь, – произнес он напоследок.

После этих слов красота Перихан вдруг поблекла, лицо ее потемнело. Ей даже в голову не могло придти, что Хейраниса таит в себе угрозу для нее. Но если об этом говорит Ага Дервиш, значит, это так на самом деле. Кроме всего прочего, он был близок к шаху и врать не стал бы.

Тысячи мыслей за одно мгновение пронеслись в ее голове, но, тем не менее, она встала вслед за Ага Дервишем, с поклоном поцеловала ему руку.

– Не оставляй меня без своих молитв и помощи, Ага Дервиш.

– Постараюсь, – прошептал тот.

Колдун

Равновесие создается согласием двух сил. Если равновесие между двумя силами не нарушается, тогда наступает покой. Движение – это результат превосходства той или другой силы. Если в движение приходит одна сторона, это вынуждает двигаться и противоположную сторону. Так во всем мире каждый заставляет двигаться другого. Жизнь – это дыхание, темнота же ограничивает свет. Пустоту заполняет реальность. Человечество между жизнью и смертью состоит из цикла непрерывных рождений и смертей. Сильный и слабый, добро и зло – это ветви движения. Кто-то дает, а кто-то забирает. Таким образом, обеспечивается равновесие движения. Хейраниса же хотела нарушить это равновесие и взвалить всю тяжесть на себя.

...Зиньят, пройдя по узким улочкам и кривым переулкам, подошла к одной из дверей. Несмотря на темень, огляделась – вокруг никого. Тихо постучала; никто не ответил. Зиньят немного подождала, но стучать повторно не пришлось: двустворчатая дверь приоткрылась, тусклый свет слабо осветил гостью.

Зиньят быстро проскользнула внутрь. Человек в черном, с накидкой, прикрывающей лицо, и с лампой в руках, притворил вслед за ней дверь. Вернувшись в комнату, человек чуть подкрутил фитиль лампы и, не говоря ни слова, посмотрел на женщину. Оба были в накидках, прикрывающих лицо, но знали друг друга по глазам. Они хотя и встречались многие годы, но видеть лица друг друга открытыми желания не было. По-видимому, в этом и необходимости не было, оба служили одному и тому же человеку. Многие годы они были опорой своей хозяйке: оберегали ее, помогали ей.

Сперва Зиньят протянула небольшой листок бумаги. Колдун взял бумажку, развернул ее, поднес поближе к свету. На бумаге была лишь одна фраза, написанная косым почерком: «Лиши моего мужа мужского начала». Губы колдуна раскрылись в улыбке. «Ханум, кажется, хочет решительно перейти в наступление», – подумал он. Но развивать свою мысль далее не стал. Да и гостя не позволила этого сделать. Теперь в руках Зиньят были два холщовых мешочка.

– Этот мешочек прибыл из Газвина, – еле слышно произнесла она. – В нем сбритые волосы личного врача шаха Аба Насира. Ханум сказала, что вы знаете, что надо сделать. А это, – протянула она второй мешочек, – волосы Мухаммеда Мирзы. Ханум сказала, что и это понадобится.

Колдун слегка кивнул головой, что означало «да, знаю». Положил протянутые женщиной мешочки в карман хламиды, поднял голову и внимательно, в то же время восхищенно посмотрел ей в глаза. Из его глаз шел буквально селевой поток света, и женщину это сперва испугало, потом взбудоражило. С ней никогда такого не происходило. Сердце сильно забилось и подкатило буквально к горлу. Потом это непривычное ощущение начало ей нравиться. Она была словно опутана какими-то чарами, взгляд колдуна ей нравился все больше и больше. А он уже полностью властвовал над нею. Если бы он произнес фразу: «раздешься и пройди в мою комнату», она, не сопротивляясь, разделась бы тут же у дверей и отдалась ему прямо на полу.

Не отрывая взгляда от ее лица, колдун спросил:

– Ты в курсе, что написано на бумаге?

После этого вопроса и устремленного взгляда она готова была растаять как снег и разлиться под его ногами. Под таким колдовским взглядом она даже при всем желании не могла соврать. Из-под накидки послышался ее тихий и покорный голос:

– Откуда? Ни читать, ни писать не умею.

Произнеся это, она было хотела опустить взгляд в пол – дабы избавиться от сверлящих глаз колдуна, но не смогла этого сделать. В голове стоял гул, словно кто-то говорил ей: «не отводи глаз». Почему-то сегодня ей казалось, что таких глаз, как у колдуна, нет ни у кого. Глаза, похожие на глубокое ущелье...

Колдун же, словно получая удовольствие, не спешил выводить ее из состояния оцепенения.

– Ханум объяснила тебе на словах то, что написано в письме?

Как ни нравилась эта ситуация Зиньят, она, тем не менее, где-то ее и пугала. Раньше с ней такого никогда не происходило! Она приходила, получала задание, брала то, что ей передавали, и уходила. Теперь же колдун фактически превратил ее в пленницу. Ее ноги, ее тело словно одеревенели, живыми оставались только глаза. В комнате две пары глаз пристально смотрели друг на друга. Два глаза колдуна сверлили ее, взгляд проникал ей в мозг, выискивая там то, что ведомо только ему.

– Нет, она мне ничего не говорила, – с трудом ответила женщина.

Колдун понял, что она говорит правду. По-видимому, госпожа не доверила ей эту тайну. И все это колдовство было для того, чтобы убедиться в этом. И колдун вывел Зиньят из состояния оцепенения. Она не для этого была предназначена. Он опустил глаза, отпуская Зиньят. У той от облегчения задрожали колени и все тело. Колдун почувствовал это. Он вновь взглянул на женщину, но на этот раз стараясь успокоить ее. Получилось – дрожь в теле женщины мгновенно прекратилась.

– Передашь ханум, чтобы она потерпела три дня. На четвертый день может приступать к делу, – сказал колдун, отворяя створку. Это означало конец встречи. Зиньят, словно ожидая этого, бросилась к двери, выбежала на улицу и быстрыми шагами исчезла в темноте. Через некоторое время остановилась, перевела дух. Теперь крошечная тьма казалась ей благодатным светом. Платье прилипло к вспотевшему телу, она была мокрой как мышь...

Колдун же, прикрыв входную дверь, прошел в большую комнату. Вынул из кармана хламиды два мешочка, положил в сундук.

Через некоторое время он зажег свечи, находившиеся в проемах на стенах. В комнате стало светло. Вынул из сундука кинжал из чистой дамасской стали, положил его ровно на середину начерченного углем круга диаметром в три шага, повернулся к югу, закрыл глаза, начал говорить что-то, понятное лишь ему. Губы двигались, руки медленно поднимались. Когда они поднялись на уровень плеч, движение прекратилось. Теперь, не опуская рук, он протянул их вперед. Потер ладони. Чем больше он их тер, тем больше ощущал наплыв энергии. Стал тереть быстрее, потом резко отвел ладони в сторону. Теперь энергия каждой ладони притягивалась друг к другу. Он начал делать ладонями движения, похожие на те, когда человек скатывает что-то в шар. Колдун на самом деле скатывал энергию в шар, потом подвел его к голове и, спускаясь ниже, словно размазал по всему телу. Глубоко вздохнул, вышел из круга, бросил в кипящий на очаге котел траву из второго сундука. По комнате разнесся резкий запах. Колдун взял из того же сундука мешочек, насыпал в медный казан белую массу, похожую на пыль, и стал ее помешивать деревянной лопаточкой. Через некоторое время сел возле низкого столика, скрестив ноги, и поставил на него казан. Посмотрел в стоящее перед ним зеркало в инкрустированной серебром раме. В зеркале были видны лишь его глаза. Зажег две свечи слева и справа от зеркала. Снял крышку с казана, поджег траву, находящуюся в ней. Как только появились языки пламени, закрыл крышку. Когда он повторно открыл крышку, по комнате разнесся аромат.

Колдун опустил руки в глиняную массу, размешанную ранее, и начал из нее лепить фигурку человека. Работая руками, он в то же время что-то шептал, повторяя какие-то фразы. Наконец он закончил эту работу. Последней стадией было изготовление органа, обозначающего, что это мужчина. Сделав его, колдун усмехнулся. Потом поставил фигурку перед стек-

лянным шаром на столе, встал, вышел в другую комнату. Вымыл руки, вернулся к столу, сел, скрестив ноги. Взял в руки шар и уставился в него пристальным взглядом. По тому как расстояние между шаром и фигуркой было небольшое, его взгляд через шар пронзил фигурку человека. На сей раз он не шептал, а прежние слова сказал громко:

– О, мой хозяин, прими мое заклинание! Будь милосерден к рабу твоему, сделай мое заклинание явью. Ты можешь все, все в твоих руках.

В хрустальном шаре вдруг заискрились разные цвета. Этот знак был понятен колдуну. Он взял фигурку и встал, достал из сундука нитку, намотал ее на палец. Вошел в круг со стороны заходящего солнца. Размотал нитку, привязал ее к мужскому органу фигурки тройным узлом, потом трижды дунул. Взял в правую руку кинжал, лежавший в середине круга, и начал говорить.

– О, мой хозяин, прими мое заклинание! Расплавь, как свечу, мужской орган Мухаммеда Мирзы, сделай его мягким, как глина. Он заслужил это. Сделай мое заклинание явью!

Произнося это, колдун нарезал круги, крутил кинжалом рядом с мужским органом фигурки. Движения становились быстрее, вращения кинжала практически не было видно. Заклинание тоже читалось все быстрее и быстрее. Вдруг колдун резко остановился. Продолжая вращать кинжалом, он отрезал кусочек мужского органа, который упал его ногам.

– Спасибо тебе, мой хозяин, ты сделал мое заклинание явью.

Три дня и три ночи колдун повторял это ритуал...

Четвертый день

К вечеру начался сильный дождь. И хотя в Ширазе такие дожди были несчастными, после них селевые потоки, словно огромные змеи, еще долго текли по кривым улочкам города. Потоки были настолько сильными, что, словно мать, обнимающая младенца, могли обнять и унести все на своем пути. Старшее поколение, прекрасно знавшее нрав таких дождей, быстро забирали с улиц птиц, скот и, конечно же, босоногих малышей, игравших в проулках.

Принц Мухаммед Мирза, стоя у окна, глядел на дождь и думал. Вообще в такую погоду ему хотелось принять лекарства, лечь в постель, заснуть крепким сном, потом поиграть с ласковой женой Хейранисой. Проснувшись, он выпивал чашку теплого молока, принимал пару ложек пасты, приготовленной из орехов, меда и эликсира молодости, потом, предавшись страстной любви, засыпал, положив голову на грудь Хейранисе.

По природе своей Мухаммед Мирза был человеком спокойным. Когда отец, Тахмасиб шах, отправлял его беглярбеком в Шираз, он вначале отказывался. Не было у него тяги, умения и желания к управлению и администрированию. Его жена Хейраниса вынудила его сделать это, убедив не перечить отцу. «Нужно ехать туда, куда отправляют. Пусть это место небольшое, но там самостоятельность, там ты правитель». Хейраниса говорила о большой пользе такого шага, и в случае, если он начинал соглашаться, позволяла не только положить голову ей на колени, но даже потрогать грудь. В эти мгновения даже если бы с нее сняли нательную сорочку, она ничего не почувствовала бы, так как мысли ее были только о том, чтобы стать правительницей. Женщина не сопротивлялась даже тогда, когда ее раздевали догола и укладывали в постель, говорила ему «мой шах», словно действительно вступала в брак с шахом. Он раньше не очень любил фарсов, гиляков, других не тюрков. Но Хейраниса заставила его переменить мнение о них. Ему нравилось, что она так умна, понятлива. В частности, в постели инициатива всегда была за ней. Он слышал, что в Китае специально готовят таких девушек. Но эта была из Мазандарана. Но спросить обо всем у него не хватало смелости. Это могло бы все испортить. Он остерегался, что Хейраниса больше не будет такой страстной и нежной. Видимо всему этому она научилась от своих теток. Вероятно, такое мастерство в постели у девушки, которая до него была девственницей, могло быть большим счастьем для мужчины. Хейраниса

очень любила его. Он обратил внимание на то, что более всего она старалась, чтобы принц не вызвал гнева шаха.

Мухаммед Мирза очень любил музыку, и если бы не правление Ширазом, он все эти годы посвятил бы ей. На самом деле он и не занимался правлением, на это у него не хватало терпения. Всех придворных он подобрал, подчиняясь воле жены. Кого она ни называла, он не перечил, сразу назначал на должность. Все должностные лица дворца дела вели только с Хейранисой, отчитывались в первую очередь перед ней. А это не создавало ей неожиданных затруднений. Во время обсуждений тех или иных вопросов придворная знать при правителе специально высказывала очень глупые, ошибочные предложения, оставляя для Хейранисы правильные и умные решения. И, естественно, принятие им идеальных решений, умение в нужный момент дать точный ответ, повышали его авторитет в области. Вот такое управление она построила. Женщина делала все, чтобы повысить авторитет мужа! Правда, иногда он кривил губы: «И для чего ей все это надо?»

Что же касается Хейранисы... Ему не нравилось лишь одно ее качество: Хейраниса абсолютно не доверяла кызылбашам, под различными предложениями удаляла их из окружения.

Сын шаха не соглашался ни с чем, что могло бы обидеть Хейранису, даже если об этом скажет шах. Он так привык к ней, что не мог и шага без нее сделать. Да он и не хотел делать никаких шагов.

Теперь Мухаммеду Мирзе, слушавшему шум дождя словно музыку, разонравилась его громкость. Разве это не могло вывести из себя? Это напоминало бессмысленность существования муравья, пчелы, ласточки. В этот момент дверь приемной со скрипом отворилась и он резко обернулся. Но из-за слабого зрения не сразу понял, кто это. Когда женщина в большом платке, с широким, развевающимся при ходьбе подолом платья, остановилась десятке шагов от него, он догадался, что это его жена. А когда она подошла ближе, склонив голову, поздоровалась, затем откинула вуаль, еще раз убедился в этом и без причины засмеялся. Он почувствовал, что только что думал о ней. Фигура Хейранисы, ее красивое лицо за последние года стали еще краше и лучше... В отличие от прежних дней сегодня она выглядела кроткой и приветливой.

– О чем задумался, мой шах? – спросила она в той манере, которая ему так нравилась.

Каждый раз после такого обращения Мухаммед Мирза вздрагивал. Когда они оставались вдвоем, Хейраниса обращалась к нему «мой шах», а на его попытки возразить она говорила о великолепии шахства, предлагала ему быть готовым к этому. Конечно, это было бы прекрасно, однако если бы Тахмасиб шах узнал, что при его жизни так называют его сына, он возмутился бы, а, может, и наказал бы. Но для того чтобы Хейраниса не стала опять с упоением говорить об этом, Мухаммед Мирза не стал возражать, как и не мог признать, что минуту назад с восторгом слушал музыку дождя. Если бы он об этом сказал, Хейраниса обязательно захихикала и поиздевалась бы над ним. Он боялся, что об этом прознает дворцовая знать. Однажды, когда он собирался писать стихи, за этим занятием его застала Хейраниса. «Другие поэты желают стать шахом, ты же хочешь быть поэтом. Пепел тебе на голову», – сказала она. После этого она неделю не пускала его в свою спальню, посоветовав посетить комнаты прислуги. Оставаясь один, он, хотя и злился ее упрямству, издевательствам и претензиям, но в тот же миг язык словно пересыхал; встречаясь с ней, он даже с прислугой не мог говорить высокомерно. И врать особенно не умел, а сейчас всячески пытался увести взгляд.

– Ни о чем, – отводя взгляд, ответил он первое, что пришло ему на ум. – Я вот думаю, что к подарку, который наш шах отправил шаху Акберу, надо бы и нам что-нибудь приложить. Нечто такое, что было бы достойно нашего имени, но и чтобы оно не было лучше, чем подарок шаха.

Жена подошла к нему еще ближе. Еще шаг – и их губы соприкоснулись бы. Он почувствовал ее теплое дыхание, которое сразу разлилось по всему телу. Но... но ни страсти, ни вожде-

ления не почувствовал. В таких случаях он протягивал руку и поглаживал ее груди. Потом происходило нечто неуправляемое, для погашения которого Хейраниса очень и очень старалась. Но теперь его тело было холодным, проснулась боль, и он съежился. Хейраниса приложила руку к его груди. Другую руку опустила ниже и поглаживала интимное место Мухаммеда Мирзы.

– Не беспокойся, мой шах. Я на этот счет дала нужные указания. Подарок уже готов. Завтра гонец присоединится к каравану, который отправится в Агру. – Затем она отняла руку от его груди и уже обеими руками попыталась ухватиться за причинное место. При этом шепотом промолвила: – Сегодня ночью я приду к тебе. Я очень соскучилась. Только не усни!

Последняя фраза была сказана таким приказным тоном, что у Мухаммеда Мирзы не хватило духа сказать «Не приходи!». Он только кивнул в знак согласия, продолжая стоять съевшись.

Женщина, как и пришла, так же и удалилась – с развевающимся подолом широкого платья. После нее в комнате остался запах полевых цветов. Сын шаха вновь подошел к окну. Но в этот раз он уже не слышал шума дождя, не видел потоки, вытекающие из водосточной трубы, его не привлекали вспышки молний. Теперь он думал лишь о себе. Неужели стареет? Вчера ближе к вечеру он почувствовал резкую секундную боль в паху. Потом боль прошла и больше не повторялась. Но только что, когда Хейраниса подошла к нему, он не почувствовал ни вожделения, ни страсти. Такого никогда не было. Его могла возбудить не только чуть приоткрытая грудь Хейранисы, но и даже ее дыхание, страстный стон. Для усиления страсти Хейраниса приглашала его в самые различные уголки дворца для любовных утех. А он никогда не отказывался от этого. Напротив, это помогало ему забыть боль, немощь, поднимало настроение. После утех он, обессиленный, но довольный, засыпал. А еще лучше, если в этом состоянии потом купали в бане... А теперь... «Наверное, я о чем-то задумался», – попытался он себя успокоить.

Хейраниса же весь день ходила довольная. Кажется, колдуну что-то удалось... Иначе Мухаммед Мирза просто так ее не отпустил бы, не добившись своего. Она с аппетитом пообедала, потом поспала и только после этого отправилась в дворцовую баню. Баня была хорошо натоплена, полна пара. Прислуга ее купала, натирала благовониями ноги, руки, грудь. Одевалась она очень красиво, зачесывала волосы как принцесса, пудрилась, подводила глаза сурьмой. Стоя перед зеркалом, она не удержалась от того, чтобы не подмигнуть собственному отражению.

...Наступила ночь. Охрана, стоящая возле всех дверей темного коридора, почтительно склоняла головы, отступая на шаг назад.

Хейраниса вместе с Зиньят шли по одному из укромных мест дворца – коридору, ярко освещенному свечами. Она выглядела довольной и достаточно уверенной в себе. Вокруг разносился аромат цветов – благовония, которыми она надушилась. Когда они подошли к спальне сына шаха, Хейраниса полуобернулась к Зиньят:

– Жди меня не здесь, а перед дверью моей комнаты. Я скоро буду.

Зиньят, произнеся: «как скажете, ханум», повернула назад. Вдруг она вспомнила наказ колдуна о четвертом дне. А сегодня был именно четвертый день. А, значит, сегодня что-то должно было случиться.

Хейраниса постучалась и, тихо отворив дверь, вошла. Комната была ярко освещена. Сын шаха, словно что-то предчувствуя, сидел, съевшись, на краешке широкого ложа. Услышав стук и увидев распахнувшуюся дверь, он поднял голову. В это время сюда могла войти только его жена. Увидев Хейранису, идущую к нему кокетливой походкой, он воодушевился. По середине комнаты жена сняла головной платок, затем и легкую косынку. Черные, пышные волосы рассыпались по плечам, по комнате разнесся приятный аромат. Подойдя к мужу, который все

еще глядел на нее застывшим взглядом, она остановилась перед ним. Схватив вдруг его голову, прижала к своему животу, шепотом произнеся:

– Я столько дней жду тебя, горю от желания, хочу быть твоей. Иди, возьми меня, ешь меня, дорогой... Ешь, грызи меня...

Мухаммед Мирза после этих вожделенных слов женщины съежился, засуетился, но страсти не почувствовал. Удивился, даже изумился этому. В таких случаях обычно его мышцы напрягались как сталь, возбуждение росло, сердце начинало биться учащенно. Теперь всего этого не было и он, безвольно обняв ее за талию, через тонкую материю стал целовать ее живот. Но теперь у этих поцелуев не было ни вкуса, ни аромата. Но от этих поцелуев Хейраниса якобы возбуждалась. Отведя руки мужа, она с плутоватой улыбкой произнесла:

– Не спеши, мой шах, вся ночь еще впереди.

Тихо ступая, но в то же время желая показать всю свою красоту, она прошла к ложу, покачивая бедрами. Вслед за ней встал и Мухаммед Мирза. Подойдя к постели, Хейраниса аккуратно положила головной платок и косынку на комод. Потом сняла верхнюю одежду, чепчень из красного шелка и тоже разложила на комод. На ней осталась только нижняя рубашка из тончайшего белого шелка. Теперь ее прекрасное тело было ясно видно в свете свечей, груди с вздувшимися от возбуждения сосками привлекали мужа. Приподняв краешек одеяла, она проскользнула под него:

– Что ты стоишь, как застывший памятник? Иди же, мой шах. Иди, возьми меня!

Мухаммед Мирза, представив после этих слов, а, впрочем, сознательно убедив себя, что все в порядке, быстро разделся и лег рядом с женой. Погладив ее мраморные ноги, он слегка почувствовал что-то, похожее на возбуждение. Но на этом все и кончилось. Не было внутреннего жара, мышцы оставались дряблыми. «Что же такое происходит со мной?», – с горечью спросил он себя.

Хейраниса с еще большим энтузиазмом играла свою роль. Сняв с себя нательную рубашку, она с силой потянула мужа на себя. Он целовал ее шею, губы, грудь, а она от этого якобы еще сильнее возбуждалась, стонала, билась под ним словно рыба, вытщенная из воды. Тонкое одеяло соскользнуло с них, обнажив тела. Теперь уже Хейранисе на самом деле хотелось интимной близости с мужем. В голове даже проскользнула мысль, что не напрасно ли она все это затеяла... Если бы она не заказала колдовство, то сейчас наслаждалась бы с мужем. В состоянии, в котором она была сейчас, Хейраниса могла затащить в постель и самого колдуна. Интересно, колдун действительно настолько уродлив? Она не догадалась спросить об этом у Зиньят. Но теперь уже было поздно. Однако у этой ночи была своя прелесть. Она, наконец, выполнила задание, которое получила в отцовском доме, частично добилась исполнения слова, данного самой себе, будучи еще девственницей. Любовь тюрка с таким ангелом, как она, недозволена. Так думала Хейраниса. Лишить одного тюрка мужского начала превыше тысяч побед. Разве это не сладостно? Кроме этого, то, что она сделала, можно было считать победой не только лично ее, но и всей родни и даже народа. Она чувствовала, что обязана изгнать всех тюрков из дворца. Те, кто сподвиг ее на это, уже давно покинули этот бранный мир, но она и в одиночку могла достигнуть многого. Теперь он всем руководила единолично. И победит всех в одиночку.

Думая обо всем этом, она радостно улыбалась. Но надо было довести игру в постели до конца, убедить мужа в том, что он уже не мужчина. Резким движением она перевернула мужа, усевшись на него, как всадник на лошадь. Теперь она постаралась продолжить любовную утеху с еще большим воодушевлением. Она уже чувствовала себя мужчиной и начала делать то, что должен был делать муж. В принципе, вне ложа она и так все делала вместо мужчины. Но быть мужчиной было не так легко, это не удавалось ей так, как хотелось бы. Она была уже настолько возбуждена, что забыла об игре, которую начала. Еще немного, и она высказала бы ему все, что думает о нем.

Мухаммед Мирза был в абсолютно бессильном состоянии. Несмотря на то, что на нем извивалась, стонала, чуть ли не раздирала его на части прекрасная женщина, он был абсолютно никчем. Он мял ей груди, ягодицы, но не получал от этого никакого удовольствия. Такого с ним никогда не случалось. Даже когда были острые боли в почках, печени, желудке, он умел себя сильно возбудить. Во время любовных утех с Хейранисой боль уходила. Что же происходило теперь, когда не было боли?!

Хейраниса готовилась нанести решающий удар. Муж был совсем бессилён. Его слабые попытки, невнятный шепот смешили ее, при этом доставляя ей удовольствие. Она застонала, но на этот раз сердито:

– Двигайся, ну! Что с тобой? Я уже извелась вся, а ты лежишь как холодный кусок льда. Х-м-м, да уж... – Потом, притворно призадумавшись, взглянула на него. – А может, ты меня уже не любишь?

– Что ты, радость моя, как можно?! – скороговоркой произнес он, но вялым голосом.

– Может, ты сегодня развлекался с наложницами?! Ну, признавайся скорей! Я знаю, что не напрасно их так много во дворце!

– Нет, нет, это невозможно. Ты прекрасно знаешь, что во дворце ни одна женщина не может свести меня с пути истинного. Наложницы только для офицеров и знати.

– Тогда... тогда откуда такая слабость? Отвечай же, скорее!

– Клянусь, я и сам ничего понять не могу. Такого никогда не было. Я... я...

Язык стал заплетаться, у Мухаммеда Мирзы пересохло в горле, сказать он уже ничего не мог. Хейраниса же, получая полное удовольствие от игры, спросила:

– А, может, ты уже не способен как мужчина?..

Словно небо с громом и молниями обрушилось на Мухаммеда Мирзу, эта фраза оказалась ему сильной пощечиной.

– Что? Что ты сказала, дочь фарса? Как смеешь?..

Он говорил с трудом, он фактически не услышал самого себя. Ему хотелось, чтобы после этих слов разверзлась земля и он, провалившись, умер... Если бы в полутьме жена видела его расстроенное лицо, она убедилась бы, что это именно так и есть. Сын шаха был прекрасно осведомлен об уме, воле и энергичности своей жены. Если захочет, она разнесет всем по дворцу горькую весть, что ее муж не способен в постели ни на что. А это хуже смерти. Тюрки называют таких бессильными, очень плохо реагируют на такие вещи. А мужское бессилие было подобно смерти.

Теперь Хейраниса видела в полутьме лицо мужа лучше, чем при свете. Она никогда не думала, что смятение, боль и безнадежность, написанные на его лице, могут доставлять ей такое наслаждение. Все эти годы она лишала себя такого необычного удовольствия. Она пришла в ярость оттого, что это наступило так поздно, что каждый раз, вставая из-под этого тюрка, она чувствовала себя грязной тряпкой. Вместо того чтобы быть женой фарса с красивым и чистым телом, ее судьбой стал это волосатый, неотесанный тюрк. И она рано или поздно должна была отомстить за свою судьбу. За то, что этот никчемный, слепой тюрк в свое время был первым мужчиной у шестнадцатилетней красавицы, он должен был ответить. Иначе это осталось бы несправедливостью.

– Ты никчемный, тупой... тупой! О, Аллах, как мне быть? Пепел мне на голову! И это моя судьба!..

Таким образом, недовольно ворча, Хейраниса встала с Мухаммеда Мирзы, но уже гордо и как победитель. Слезая с постели, краем глаза взглянула на мужа. Он лежал, съежившись. Словно стесняясь своего голого тела, он рукой подтянул одеяло и укрылся. Хейраниса, желая получить еще большее удовольствие, продолжала смотреть на него. Молча. Продолжала смотреть, даже медленно одеваясь. Тем самым она доставляла ему еще большую боль. Чтобы окончательно добиться своего, его надо было совершенно раздавить и унижить.

Мухаммед Мирза лежал, отвернувшись. Он не знал, что говорить, как объяснить свое сегодняшнее состояние. Жизнь для него кончилась. Он не знал, как ему после этого смотреть в глаза визирей, тысячников. Если они узнают об этом, не станет ли он для них посмешищем? Хейраниса была молодой и похотливой. Надо было закрыть ей рот. Для того чтобы эта весть разнеслась, достаточно, чтобы об этом узнала хотя бы одна женщина. Пока она не ушла, нужно ее уговорить.

Приняв такое решение, Мухаммед Мирза встал и стал одеваться. Видя, что Хейраниса собирается выйти, сказал:

– Ханум, задержись.

Как только она повернулась к нему, сын шаха опустился на колени, пополз к ней, обнял за ноги.

– Ханум... Хейраниса, я сделаю тебя шахиней... Мехди Ульей. Никто тебе в нашей области и так не перечит. И во дворце всеми делами управляешь ты. Но если ты кому-то откроешь этот секрет, я с тобой разведусь. Тогда ты потеряешь все: власть, богатство, уважение...

Хейраниса не ожидала подобного выпада, подобной угрозы со стороны мужа. Коса уже нашла на камень. В будущем ее ждали большие дела. Она хотела быть такой же властной и упрямой, какой и полагается быть настоящей Мехди Улье. С этим же тюрком надо было еще немного поиграть. Придав лицу великодушное выражение лица, она наклонилась, разжала руки мужа:

– Встань, встань, мой шах. – И, чтобы, якобы, сгладить ситуацию, нежно произнесла: – Ну что ты говоришь? Ты мой муж. Такое может быть в каждой семье. Рано или поздно это должно было случиться. Но это наш секрет, и он останется здесь. Никто не должен знать о нем. Жизнь моя, я всегда была готова пожертвовать своей молодостью ради тебя. Но... – Она сделала паузу, чтобы взвесить каждое слово. – Но есть одно условие.

Мухаммед Мирза, воодушевившись, встал с колен. Главным было то, что она могла дать ему слово.

– Я согласен с любым твоим условием.

Она кокетливо повела плечами, но голос оставался властным.

– Я теперь несчастная женщина. Я должна чем-то развеять свое горе. С этой минуты в моих делах не должно быть никаких препятствий. Никто не должен вмешиваться в мои решения. Это может прогневить меня. Я хочу быть абсолютно независимой. Как вне дворца, так и внутри все решения должны выполняться без твоего согласия и дозволения. Хорошо, мой шах? Договорились?

Сын шаха, хотя и ничего не понял из всего сказанного, но в знак согласия кивнул головой.

– Конечно, договорились. Завтра соберу всех и объявлю указ. Я это понял еще девятнадцать лет назад, при первой встрече. И мнения своего не изменил.

Это Хейранисе и было нужно. Все получилось даже лучше, чем она ожидала. Для будущих дел это признание сына шаха было важным. Сегодняшняя виртуозная игра и великолепная победа воодушевили ее, она получила от случившегося настоящее удовольствие. Внутри ее все словно осветилось от радости. Взяв мужа за подбородок, она внимательно взглянула на него. Вечно шутившийся из-за слабого зрения Мухаммед Мирза теперь словно не хотел ничего видеть. Хейраниса поднесла свои пухлые губки к его холодным губам, прикоснулась к ним, словно стараясь разделить с ним свою сегодняшнюю сокрушительную победу. Но... Теперь эти губы были совершенно бесчувственными. Пылко произнеся «договорились», она пошла к двери и исчезла в проеме. А Мухаммед Мирза, в нижнем белье, все еще стоял посреди комнаты, словно прикованный.

На следующий день колдун, получив увесистый мешочек с золотом, понял, что его колдовство оказалось удачным. Он возрадовался и не стал надолго задерживать Зиньят. Хотя и на этот раз не удержался по достоинству оценить ее красоту. Если служанка была такой кра-

сивой, то хозяйка ее должна быть еще лучше... Если он смог завлечь в свои сети эту, с легкостью сможет завлечь и ее госпожу. Как правило, красивые женщины никогда не имеют красивых подруг и не берут красивых прислужниц. Они предпочитают прислужниц умных или сильных. Теперь стоило удовлетворять потребности жены, у которой муж потерял мужскую силу. Своим секретом он загнал себя в ловушку. Колдун давно был наслышан о красоте жены сына шаха, но ни разу не видел ее даже издалека. Теперь в этом появилась необходимость. Он чувствовал, что она сделала мужа импотентом не из-за любви к другому. Здесь, кажется, были другие причины. Тогда почему его интересы, цель должны ограничиваться одним мешочком золота?

Она же всегда считалась красивой женщиной. А с красивых всегда можно взять нечто большее. У них, как правило, сильная душевная мощь. Всегда считалось целесообразным вытягивать из красивых и целомудренных их силу. После этого они слабели и заболели. У этой ханум силу вытягивать не стоило. Потому что лечить ее потом заставили бы его.

Колдун и Абу Насир

Тахмасиб шах вдруг неожиданно заболел и опять слег. Два года назад такое уже случилось, и все уже думали, что он больше не встанет. Но все, к счастью, обошлось. Все придворные, как и тогда, разделились на два лагеря. Одна сторона поддерживала Гейдара Мирзу, другая сторона хотела видеть наследником и шахом Исмаила Мирзу, более девятнадцати лет содержавшегося в крепости Гехгехе. Перихан ханум возглавляла сторонников Исмаила Мирзы.

Но теперь противоборствующие стороны не теряли бдительности, ибо в тот раз после выздоровления шах упрекнул одних в неверности, других отдалил от дворца, отправив в удаленные области. Никто уже не хотел повторять ошибок, но и самоуспокаиваться тоже не желал никто. Когда известие о болезни шаха дошло до Газвина, мюриды не придали этому значения. Большинство населения Газвина родилось именно в период правления шаха Тахмасиба и даже успело состариться. За эти годы было столько известий о болезни шаха... Ведь не шутка – Тахмасиб шах правил страной больше пятидесяти трех лет! Многие всерьез считали, что шах никогда не умрет. Прошлый раз, когда правитель заболел, население, собравшись у дворца Чехелсутун, дневало и ночевало у его стен. Люди молились за своего шаха – потому что понимали: смерть шаха опасна для государства. Новому же шаху, чтобы всецело заявить о себе, нужно время. Глядишь, вдруг воевать начнет?.. Войны не любил никто. Население этих областей не желало трофеев, добытых у противника. Другое дело, если бы на страну напал Султан Сулейман. Тогда на джихад можно было подняться. Среди собравшихся на площади перед дворцом были и такие, кто желал вдоволь поесть на поминках старого шаха или же разжиться подарками нового. Однако, через несколько дней Тахмасиб шах, выздоровев, встал с постели. А народ, покинув площадь, пошел по своим делам.

Тахмасиб, будучи шахом, оставался простым человеком, как и многие другие обычные люди. Он прекрасно понимал, что рано или поздно его заберет к себе тот, кто его создал. Но очень не хотел умирать тогда, когда знать разделилась на два лагеря, произведя раскол в стране.

...Сегодня все было словно по-другому. Будто все изменилось, все цвета поблекли.

Солнце садилось; на город, а также на сад, который шах считал «райским», накатывалась темнота. Сердце у шаха, лежавшего на ложе, сжималось, чувствовал он себя беспокойно. Ему казалось, что он уже не оправится от болезни, что вместе с солнцем закатится и его жизнь, и он больше никогда не увидит восход.

Ближе к закату он выпил лекарство, которое предписал его врач Абу Насир; стало легче, боль чуть отступила, шах даже почувствовал себя бодрее. Хотел встать, но врач категорически запретил ему это. Лежа в постели, он опять стал думать о будущем. «Кого сделать наследником? Старший, Мухаммед слишком слаб, да и управляет им жена. Ты только посмотри

на упрямство дочери фарса!.. Был бы энергичней, не отдал бы власть жене. В мусульманском и тюркском мире это считается большим грехом. В кого он пошел такой? Мямля, который не может справиться с женой, способен разве противостоять волкам и шакалам государства? Тогда кому передать власть? Исмаилу Мирзе? Нет! Уже девятнадцать лет, как он удален от государственных дел, при этом очень мстителен, злобен и жесток. Но и его надо уберечь. Если я умру, братья сотворят козни, воспользуются тем, что он в заключении, убьют его. Передать власть Гейдару Мирзе? Неплохой вариант. Несмотря на то, что ему всего двадцать лет, он способный, пользуется во дворце авторитетом. Но ему противостоит дочь Перихан. Говорит, что наследником должен быть сын, рожденный от тюркской женщины. В принципе, она права. Но ведь я, ради того чтобы объединить все народы государства, женился на женщинах других наций. То, что его мать не тюркского происхождения, отнюдь не трагедия. Главное то, что в его жилах течет кровь тюрка. Мне давно надо было удалить ее от государственных дел, не допустить участия в собраниях дивана. О, если бы Перихан была мужчиной!»

Он уже устал от этих дум, а конкретного решения все не было.

– Прикажите зажечь свечи и светильники, что-то стало темно, – дал задание стоящим у изголовья Гейдару Мирзе и Абу Насиру Тахмасиб шах.

Слуги бросились выполнять приказание; Гейдар Мирза, не двигаясь, смотрел на отца.

– Кызылбаши очень обеспокоены, мюриды читают молитвы. Для того чтобы навестить шаха, пришла вся знать, явились эмиры, женщины...

Тахмасиб шах сделал слабое движение рукой, лежащей поверх одеяла:

– Нет, не надо. Скажите, что все хорошо, пусть все уйдут. Иншаллах, встречу с ними завтра. Ты и врач останетесь сегодня со мной. – И добавил, с трудом повернув голову в сторону Абу Насира: – А ты приготовь еще то самое лекарство. Эти боли в мгновение ока возвращаются. Не могу я уже...

Врач, приложив руку к груди, поклонился и вышел из комнаты.

Колдун вышел из большой комнаты и прошел в маленькую. Взял кувшин с водой для омовения, смочил одну руку, потом другую. Вода, лившаяся из кувшина, ударялась о стенки пустого тазика, издавая звук дождя. Вытерев руки, колдун вернулся в большую комнату, открыл стоящий в углу украшенный металлическими накладками сундук, вынул из него запечатанный редким веществом – сургучом – черного цвета кувшин с двумя ручками. Ядом, которым был наполнен кувшин, можно было бы умертвить целую армию. Тело колдуна покрылось мурашками, кувшин в руке задрожал. Быстро положив его обратно, колдун вынул из сундука красный шелковый кушак и повязал его на поясе вместо своего черного. Черный же, аккуратно сложив, убрал в сундук. Все это он сделал спокойно, без лишних движений. В его работе торопливость была противопоказана. Потом вынул из сундука чашу, украшенную надписями снаружи и изнутри, а также распisanную толстую свечу. Из маленького сундучка достал один из принесенных служанкой Зиньят мешочков, развязал его, вошел в очерченный углем круг посреди комнаты. Положив все это на середину круга, колдун принес из маленькой комнаты воды, налил ее в чашу, и установил в ней свечу. Зажегши свечу, вынул из мешочка клочок волос, положил в неглубокую медную миску и убрал за пределы круга все ненужное. Над свечой поставил металлический треножник с открытым верхом, долго потирал ладони, потом стал шептать.

– О, мой хозяин, помоги мне. Не обделяй меня поддержкой. Я никто и ничто без тебя. Помоги мне, мой хозяин!

Когда колдун закрыл глаза и поднес ладони к посуде, он почувствовал в руках дрожь. Это означало, что хозяин был с ним рядом. Через некоторое время он поможет ему. В этот момент волосы в миске поднялись вертикально, потом прилипли к его ладоням. Дно же неглубокой медной миски исчезло, от него остался лишь круг. Расстояние между ладонями и горячей све-

чой уменьшилось. От жара свечи волосы сморщивались, потом, испепелившись, падали в воду в чаше. Закончив эту работу, колдун опять подержал руки над свечой, потирая ладони. Потом убрал из круга треножник и посуду, удобно уселся, скрестив ноги, и продолжил работу. Теперь он потирал руки с еще большей силой. Держа их над водой около двух часов, колдун думал лишь о лекаре Абу Насире. И вот, наконец, произнес:

– Теперь ты должен слушаться только меня, Абу Насир. Где бы ты ни был, ты должен слушать только меня, выполнять только мои приказы. Теперь ты не свободен! Теперь я твой хозяин! Я твоя черная чуха, Абу Насир! Я могу тебя сделать счастливым и могущественным, Абу Насир!

Не отводя взгляда от свечи, колдун еще некоторое время сидел, не двигаясь. Он мысленно отправлял приказы лекарю шаха.

...Абу Насир, получив поручение шаха, вышел в коридор и направился в свою комнату. Он радовался тому, что настойка, приготовленная им, хотя и немного, но облегчила страдания шаха. Он был уверен, что после того, как шах выздоровеет, он обязательно наградит его. Так было и в прошлый раз. Но, когда он дошел до двери, почувствовал острую боль в голове. Ему казалось, что кто-то протыкает ему голову шилом. В глазах потемнело, лекарь застонал. С трудом отворив дверь, он буквально ввалился в комнату и еле доковылял до стола. Дрожащими руками налил в пиалу лекарство из одной из многочисленных склянок с наклейками и выпил. Глубоко вздохнул. Но прошло время, а боль только усилилась. Его это очень удивило. Потому что обычно от этой настойки боли у человека мгновенно прекращались. Теперь же этого не случилось. В голове вновь загудело, слышались какие-то звуки, иногда напоминающие человеческую речь. Вдруг в голове ясно послышался чей-то голос:

– Ты теперь в моем подчинении, Абу Насир! Я твой хозяин! Пока ты не выполнишь мои приказы, боли тебя не оставят, Абу Насир.

Вначале ему показалось, что от боли у него начались галлюцинации. Он читал, что при обострении болей такое случается. Иногда это бывает в легкой форме, но в некоторых случаях человек даже теряет рассудок. Но не мог же он в одно мгновение заболеть! Обычно такие заболевания носят душевный характер и возникают после продолжительной болезни. Как могло такое случиться со здоровым как сталь организмом?

Шум в голове не прекращался. Обхватив голову руками, Абу Насир застонал и упал. Боль усиливалась, голос в голове становился все явственнее:

– Если не будешь выполнять мои приказы, боль будет сильнее, Абу Насир.

Лекарь, всю жизнь честно зарабатывавший врачеванием, уже не мог сопротивляться нарастающей дикой боли. Он чувствовал, что другого выхода, как подчиниться этому неизвестному, у него нет. Только бы избавиться от боли! Он должен был ответить неизвестному.

– Я согласен, – застонал Абу Насир.

В ту же минуту боль в голове прекратилась. Ему даже показалось, что все, что было минуту назад, случилось не с ним. Теперь он очень хорошо слышал голос неизвестного владыки.

– Подсыпь в лекарство шаха слоновью дозу яда. Подсыпь... подсыпь... подсыпь яд... подсыпь... подсыпь...

Абу Насир уже абсолютно не владел собой, он был в полной власти голоса в голове, но каким-то отдаленным чувством в самом отдаленном уголке мозга понимал, что неизвестный толкает его на очень тяжкое преступление. Собравшись с силами, он попытался возразить:

– Н-е-е-т...

Этот еле хрипящий ответ он и сам не услышал, но недавние боли в голове начались с новой силой, в мозгу вновь невыносимо загудело. За свою жизнь он ломал ноги, руки, обжигал пальцы, но такой боли никогда не испытывал.

Боль усиливалась, Абу Насиру хотелось выть. Но он не мог даже крикнуть, будто кто-то силой загнал его голос вовнутрь. Теперь чувство было такое, что его мозг протыкают уже не одним, а целым десятком острых шил. Сил терпеть эту пытку больше не было.

– Хорошо, хватит, сделаю все, что ты скажешь!

Боль прекратилась. Некоторое время Абу Насир не мог двинуться. Будто кто-то сидел у него в голове и управлял им. Если бы он кому-нибудь сказал об этом, над лекарем сильно посмеялись бы. Вдруг подумав, что невыносимые боли могут повториться, он встал и быстро пошел в сторону комода. Протянув руку за склянкой, на мгновение застыл. И в этот же момент голос в голове вновь зазвучал. Открыв верхний ящик, Абу Насир немного покопался в многочисленных склянках, потом нашел небольшую бутылочку. На ней арабской вязью было написано «Яд». Абу Насир дрожащими руками взял бутылочку. Это яд был способен убить десятки слонов. Об этом страшном зелье во дворце знали всего лишь двое: он и шах Тахмасиб! Яд, приготовленный по поручению шаха для других, теперь нужно было использовать против него самого. Абу Насир прекрасно понимал, что ему будет за это, но он был под полным влиянием голоса в голове. Избавиться от него было невозможно. Голос в голове присутствовал постоянно, а боль притаилась где-то рядом. Никогда за всю свою жизнь Абу Насир не ощущал такой боли.

В другой части комода была склянка с лекарством для шаха, которое он приготовил ранее. Взяв склянку, лекарь посмотрел на нее долгим взглядом. Руки вновь задрожали. Он мог сию секунду уронить и разбить склянку. Он уже хотел положить ее на место, как боль в то же самое мгновение ворвалась в его голову и ушла. Не дожидаясь повтора, лекарь с ювелирной точностью насыпал в склянку с лекарством щепотку яда, взболтнул, перемешивая.

Вне склянки властвовал ангел жизни, внутри – смерти.

Абу Насир абсолютно не думал над тем, что ожидает его впоследствии... Он уже полностью подчинился силе, вселившейся внутрь его тела. Он готов был делать все, что прикажет его таинственный хозяин. Не было уже и страха. Что могло быть страшнее той боли? Он налил перемешанную жидкость в пиалу, поставил ее на поднос, накрыл чистым полотенцем...

Над шахским дворцом сгустились черные тучи...

...Когда Абу Насир вошел в шахские покои, Тахмасиб шах дремал. Гейдар Мирза сидел, держа в руках подушку. На скрип двери шах открыл глаза, увидев в руках лекаря поднос, обернулся в сторону Гейдара Мирзы:

– Подложи мне под голову подушку.

Принц вскочил, помог шаху приподняться и выполнил просьбу. Сменивший позу Тахмасиб шах на некоторое время ощутил боль. Лицо сморщилось, он обвел глазами комнату. Увидев стоящего лекаря, взглядом попросил у него помощи.

Абу Насир поставил поднос на столик, снял с пиалы полотенце. Спокойно, даже с легкостью поднес пиалу к губам шаха:

– Пей, мой шах, это твое возрождение!

В другое время Тахмасиб шах потребовал бы объяснения этой фразе, но теперь он был не в таком состоянии, чтобы обращать внимание на слова Абу Насира, и с помощью лекаря выпил лекарство. В эту же минуту в душе Абу Насира наступило спокойствие, он почувствовал, что обрел свободу. Потом он испытал невыразимое счастье, словно его приравняли к отцу всех лекарей мира Абу Али ибн Сине. Это чувство будто возвысило его. Он вытер капельки лекарства, пролившегося на бороду шаха, потом, наклонившись к уху шаха, произнес:

– Это и мое возрождение, мой шах!

Сказал – и тут же осознал, какое преступление совершил. Он изменил человеку, которого безмерно любил и уважал. Ему стало плохо, ноги задрожали. Лучше бы он сам выпил это зелье!.. Что он сделал?

Упав на пол возле ложа шаха, он завыл:

– Прости меня, мой шах!

Состояние больного стало резко ухудшаться, лицо его то бледнело, то становилось багрово-красным, глаза выкатились из орбит. Вдруг взгляд его остановился на пиале, которую Абу Насир все еще держал в руке... Он понял, что лекарь подлил в лекарство яд. Шаху стало жутко. Он всю жизнь боялся смерти именно посредством отравления ядом – слишком много на его памяти было таких случаев. Поэтому шах научился остерегаться. И это ему помогало. Но сегодня, видимо, была не судьба, ангел смерти оказался у изголовья, а он упустил этот момент, не смог найти время, чтобы упорядочить государственные дела.

С трудом пересилив себя, шах привстал:

– Да накажет тебя Аллах, Абу Насир! Что ты наделал?! Мне нужно было еще чуть-чуть времени, чтобы все поставить на свои места. Теперь в стране начнется хаос, брат будет убивать брата. Ах, Абу Насир, будь ты проклят...

Последнюю фразу он произнес хриплым, угасающим шепотом. Голова шаха откинулась на подушку...

Падишах на день

После этой жуткой ночи для Гейдара Мирзы самое страшное было еще впереди. Сколько дней и ночей он не отходил от постели больного отца, ухаживал за ним!.. Теперь он смотрел то на неподвижное тело шаха, глаза которого так и остались открытыми, то переводил взгляд на распластавшегося возле ложа дворцового лекаря, не зная, что предпринять. Отец учил его многим премудростям для выхода из безвыходного положения, но вот этот случай не учел, забыл о нем. Он еще раз внимательно посмотрел в открытые глаза отца, на его крупное тело. Он не был похож на умершего. Может, он проверяет, испытывает его? Глаза – зеркало души. И они были словно живыми, глядели на Гейдара Мирзу. Тот, не выдержав этого пристального взгляда, ладонью прикрыл веки усопшего. Только сейчас он поверил, что отец умер. Теперь все зависело от его способностей и находчивости. Перед его глазами стоял трон. Разве не для него его оставил отец? Надо было, чтобы об этом узнали все. Схватив за руку Абу Насира, рывком поставил его на ноги:

– Я не расслышал, что сказал шах в последний момент?

Абу Насир все ждал, что на него обрушится карающий меч, правда, не знал, с чьей стороны последует удар. Но то, что спросил Гейдар Мирза, его буквально отрезвило, словно пробудив ото сна: «Значит, он ничего не понял!» Это первое, что пришло ему в голову. Но потом Абу Насир попытался разгадать истинный смысл вопроса принца. Единственным путем к спасению были слова, которые понравятся Гейдару Мирзе. Если он скажет то, что будет тому по душе, это либо оставит его голову на плечах, либо избавит от веревки. Сын, кажется, вообще не подозревал лекаря. А может, ему смерть отца была вообще на руку? Ведь у принца, стоявшего у изголовья умершего отца-шаха, могла быть лишь одна мечта...

Как только до Абу Насира это дошло, он грохнулся на колени и поцеловал край яркого, расшитого золотом халата принца.

– Поздравляю вас, мой шах!

Гейдар Мирза вздрогнул. Это был миг, которого он жаждал долгие годы. Разве не этих слов он ждал от лекаря? Еще недавняя тревога, волнение, обуревавшие принца, сменились надеждой стать шахом, которая из искорки постепенно разлилась по всему телу. В голове, словно молнии, пронеслись тысячи мыслей. «А кто, кроме меня, может быть шахом? Исмаил в крепости Гехгехе, Мухаммед в Герате, а я во дворце. Надо действовать! Иначе через некоторое время сторонники Исмаила, особенно моя сестра Перихан, воспрепятствуют этому. В первую очередь надо нейтрализовать ее. Во дворце очень много ее сторонников».

Гейдару Мирзе страшно не хотелось оставаться бездеятельным. Эти мысли подталкивали его. Если власть возьмет другой, в первую очередь уберут его, Гейдара Мирзу. Нет, этого допустить нельзя. Другие, так же, как и лекарь Абу Насир, должны преклонить перед ним колени.

Схватив за грудки Абу Насира, принц поднял его с колен.

– Забирай свои лекарства и уходи к себе комнату. Понадобишься, позову! Ты умный человек. Сегодня тебе может повезти!

Дворцовый лекарь ожидал совсем не этого. Все произошедшее казалось ему сном. Кажется, ему на самом деле повезло: отравил шаха, но об этом не знает даже его сын и не пытается разобраться, более того, он, кажется, даже готов благодарить за это.

Спешно собрав все свои лекарства на поднос, лекарь распахнул дверь и исчез в коридоре.

Принц подошел к гонгу, два раза ударил по нему. Дверь отворилась, показался стражник.

– Позовите мою мать! – властным тоном произнес Гейдар Мирза.

Он уже ощущал себя шахом, владельцем трона. Приосанился, как отец, придал себе величественный вид. Стражник, уходя, мельком взглянул на тело шаха, лежавшее на ложе.

Через некоторое время в покои шаха вошла мать. Гейдар Мирза попытался придать лицу хладнокровное выражение.

– Матушка, дай вам Аллах здоровья, шах отправился в праведный мир. Что нам делать теперь?

В самые трудные минуты шахине удавалось сохранять хладнокровие, и Гейдара Мирзу всегда восхищало это качество матери. Она и теперь была спокойна и равнодушна с виду. Даже услышав о смерти мужа, на ее лице не дрогнул ни один мускул. Подойдя к ложу умершего, она внимательно посмотрела на посеревшее лицо Тахмасиб шаха. Попыталась вспомнить годы, прожитые с ним. Во дворце ее жизнь протекала прекрасно, без забот и горя. Но даже эти воспоминания не смогли выжать из ее глаз хотя бы слезинку. Была ли он с ним счастлива или нет, теперь не имело значения. Главным было то, что шах умер, а ее сын стоял в шаге от шахства. А значит, и она была в шаге от власти.

Большая печатка на пальце шаха блестела, завораживая взор. Она взяла уже похолодевшую руку шаха, погладила печатку. С трудом сняв ее с пальца шаха, прикрыла покрывалом лицо усопшего. С низкого столика взяла корону шаха и подошла к сыну, молча взиравшему на все действия матери.

– Что ты хочешь сделать, матушка? – осторожно и тихо спросил Гейдар Мирза.

Женщина, не говоря ни слова, подняла двумя руками корону.

– Наклони голову, прими это. Ты настоящий наследник. Отец долгие годы готовил тебя к этому дню. Ты достоин этого, сынок.

Гейдар Мирза невольно склонил голову, помогая матери надеть корону. Но с сомнениями, которые грызли душу, он должен был поделиться.

– А как же знать, народ, что они скажут? Разве не упрекнут, что есть старшие братья, а ты претендуешь на трон?

Он внимательно взглянул на мать. Какой бы спокойной она не выглядела, глаза ее горели ярким огнем. Первое, что увидел в этих глазах Гейдар Мирза – это жажда власти. И это его испугало. Он не смог бы уйти от ее влияния. Многие годы она именно так его воспитывала. Слово матери было законом, и теперь вся власть была бы в ее руках. Он такого шахства не желал.

Мать вынула из складок черного одеяния бумагу и протянула ему.

– Никто ничего не скажет. Возьми, это завещание шаха, твоего отца. Ты законный наследник и именно ты должен взойти на шахский ковер. Но не Исмаил!

Гейдар Мирза взял бумагу, поднес ее ближе к лампе, прочел на одном дыхании. Сперва обрадовался, но потом на лице появилась печать сомнения.

– Но здесь нет печати отца...

Мать подошла и вложила в его руку печатку, которую сняла с пальца мужа.

– Возьми, вот тебе и печать! Можешь приложить ее к той бумаге, которую желаешь утвердить. Ну, поторопись!

Сын шаха поднял печатку на уровень глаз, внимательно осмотрел ее, потом сжал в ладони, но волнение от матери скрыть не смог.

– Матушка, я боюсь мятежа, – сказал он, умоляюще глядя на мать.

– А почему должен быть мятеж, сынок? – постаралась успокоить сына мать. – Казна, арсенал в твоих руках. Ничего не стоит взять в руки сотников, стражу, охрану, уж очень охочих до золота, до драгоценных камней. Когда сторонники Исмаила дойдут до дворца, они поймут, что ты уже шах и им ничего не останется, как признать это. У трона, короны своя сила, сынок!

...Новый день сдернул одеяло черной ночи, защебетали птицы. Утренний азан с минаретов перекрывал все остальные звуки. Весенняя прохлада властвовала над всем Газвином. Но эта прохлада на рассвете могла быть и достаточно холодной. Улицы города, деревья, дома, люди, спешащие в мечети, были похожи друг на друга. Только судьбы людей не могли быть похожими...

В ту ночь принцесса Перихан ночевала в своей резиденции неподалеку от дворца шаха. Причиной этому были мысли: а что, если с шахом что-то случится? Не оказаться бы в заложниках у Гейдара Мирзы!.. Таким образом, она могла очень быстро собрать сторонников своего брата Исмаила. Она переживала поистине волнующие часы.

Еще не рассвело, как в дверь принцессы постучали. В открытое окно врывался свежий воздух вперемежку с ароматом цветов, и поэтому сон ее оказался сладок. Правда, тихий, но настойчивый стук отвлек ее от этого приятного занятия. Накинув на архалук халат, она подозрительно посмотрела в сторону двери. На всякий случай спросила:

– Кто там?

– Это я, ханум, – раздался за дверью тихий голос.

Она узнала его – это был голос ее служанки. Перихан подошла к двери, правда, очень удивившись столь раннему визиту. Чтобы не вставать с раннего утра на первый намаз, она каждый день совершала его позже. «О, Аллах, только бы все было к лучшему», – подумала она.

– Доброе утро, ханум. Ага Дервиш пришел, хочет видеть вас.

– Иду.

Услышав имя Ага Дервиша, у нее в голове пронеслась масса разноречивых мыслей. «Наверняка случилось что-то серьезное, иначе Ага Дервиш не стал бы беспокоить меня с раннего утра», – подумалось ей.

Перихан быстро переоделась, накрыла голову платком и прошла в гостевую комнату.

Ага Дервиш сидел на тебризском ковре и, облокотившись на подушки, дремал. Увидев Перихан, чуть привстал. Подойдя к нему, Перихан произнесла «Шах он и есть шах», потом, наклонившись, поцеловала правую руку Шейхвенда, приложила ее ко лбу, затем присела рядом. Шейхвенд, довольный такой любезностью со стороны принцессы, благодарно кивнул головой.

– Понимаю, ты думаешь: чего это я пришел с раннего утра? К добру ли? – произнес Ага Дервиш. – Не знаю даже, как сказать... До утра я не сомкнул глаз, и на сердце неспокойно. Оказалось, не без причины. Ночью ко мне пришел дервиш. Пришел и сразу ушел.

Сердце Перихан сильно забилося. Ей очень хотелось сказать то, что промелькнуло в голове, но она вместо этого произнесла:

– Аллах терпелив, Ага Дервиш, разве мы вправе изменить то, что он написал?

А в душе подумала: «Кажется, трон и корона достанутся Гейдару Мирзе».

Шейхвенд будто давно знал, о чем она думает.

– Сегодня ночью дворцовый лекарь вместо лекарства напоил правителя ядом. Правителя больше нет, он ушел в праведный мир, – сказал Ага Дервиш и тыльной стороной руки вытер

набежавшую слезу. Перед его глазами стоял шестнадцатилетний Тахмасиб, которого пятьдесят два года назад он вылечил. «Боже мой, как быстро летит время! Как будто вчера все было...»

Перихан ждала этого, но все равно весть потрясла ее. Смерть отца и предательство самого преданного человека! Она могла ждать этого от кого угодно, но не от самого верного врача отца! Значит, этой ночью произошло что-то необычное.

Перихан подняла повлажневшие глаза, взглянула на Ага Дервиша:

– Что ты предлагаешь, Ага Дервиш?

– Надо уточнить все подробности происшедшего. – Ему не хотелось показывать ей свою слабость и растерянность от случившегося. – И еще...

Перихан поняла, что Ага Дервиш хочет сообщить ей какой-то секрет. Вся во внимании, она напряглась. Наконец Шейхвенд произнес:

– На среднем пальце усопшего есть вот такой перстень, – он поднял руку и показал ей перстень с голубым камнем. – Таких перстней очень мало. Владелец этого перстня стоит на самой верхней ступени иерархии дервишей. Кто его покажет, для него открываются любые двери в государстве. Этот перстень мне подарила твоя покойная бабушка, когда я вылечил маленького Тахмасиба. Если известие верное, у тебя есть ключ от потайной двери, впрочем, никто тебя ни в чем не заподозрит. Возьмешь тот перстень и передашь его Исмаилу Мирзе. – Он замолчал, погладил бороду. – Мне тоже немного осталось, чувствую, что скоро увижусь с твоим отцом в раю. Но как я посмотрю ему в глаза, пока не решу этот вопрос?

Шейхвенд тяжело поднялся. Встала и Перихан. Ага Дервиш внимательно посмотрел на нее.

– Не забудь, дочка, у тебя один серьезный противник, и он в Ширазе. Более всего берегись его...

После ухода Ага Дервиша Перихан еще некоторое время не могла прийти в себя. Она знала, что отец скоро умрет, но, тем не менее, не смогла спокойно воспринять это известие. Ей хотелось зарыдать в голос, но и это не получалось. С трудом взяв себя в руки, она направилась в сторону дворца.

Перихан вошла во дворец через потайной ход. Ей удалось незаметно дойти до покоев отца, но в приемной она столкнулась с Гейдаром Мирзой и его матерью. Увидев на голове корону шаха, девушка вздрогнула. Значит, Шейхвенд был прав. Она тут же поняла, что стала пленницей Гейдара Мирзы. Надо было что-то делать – иначе при подстрекательстве матери Гейдар Мирза мог запросто ее убить.

Гейдар Мирза, в богатом облачении стоявший посреди зала, увидев Перихан, обратился к ней:

– Наш отец переселился в праведный мир, сестра. Согласно этому завещанию, – показал он вынутую из-за кушака халата бумагу, – наследник я. Ты служила верой и правдой отцу, теперь надо, чтобы так же ты служила и мне.

В его действиях, мимике наряду с волнением явно ощущалась неприкрытая радость. При жизни отца сестра обращалась с ним достаточно резко, иногда просто сажала на место. Теперь все изменилось. Шаха уже не было. Она могла уйти отсюда живой только благодаря своему уму и логике. В эти минуты долго думать не было времени. Придав лицу кроткое выражение, Перихан, склонившись, поцеловала подол халата Гейдара Мирзы и, не поднимая головы, произнесла:

– Мой шах, если по несознательности я позволила себе какой-то предосудительный поступок, прошу простить эту недалекую, склонившую перед вами колени женщину. Дорогой брат, можешь быть уверен в том, что как я служила отцу, так же верно буду служить и тебе, приложу все силы, чтобы восстановить нашу прежнюю дружбу!

Но это Перихан показалось недостаточным. Направившись к книжной полке, она взяла первую попавшуюся книгу и вернулась к брату.

– Клянусь этой священной Книгой и всеми мудростями в ней, – сказала она и, стараясь глядеть ему прямо в глаза, положила правую руку на фолиант. – То, что я говорила, все правда и, если я нарушу клятву, пусть Книга меня проклянет! – Сказав это, дочь шаха отнесла книгу на место, встала рядом с братом, склонила голову перед матерью Гейдара, которая глядела на нее гневно, но в то же время изумленно.

– Вы тоже будьте свидетелем, что я первой поздравила нашего шаха с восхождением на престол, поцеловала его ноги и никто не смог опередить меня!

Новоиспеченный двадцатилетний шах подошел к своей сводной по отцу сестре и поцеловал ее в лоб.

– Я верю в твою искренность, сестра. Теперь нужно, чтобы ты убедила своего брата, принца Сулеймана и дядю Шамхала, чтобы они, как и ты, служили мне верой и правдой. Этот вопрос нельзя откладывать. Чем раньше это случится, тем больше будет пользы стране.

Эти слова были для Перихан знаком, что она может удалиться. Но, не поверив, что все так быстро кончилось, она с покорным видом вновь обратилась к брату:

– Конечно! Я тоже думаю так же, ваше величество! Если позволите, сейчас же пойду к брату Сулейману и дяде Шамхалу, все объясню им, затем приведу к вам. Если они выслушают меня, то обязательно будут вам покорны. А мой шах еще раз будет свидетелем правдивости моей клятвы.

Гейдар Мирза согласно кивнул головой:

– Ты права, дорогая сестра, иди. Надеюсь, что в скором времени увижу их здесь.

У Перихан заблестели глаза, она поняла, что страшная трагедия обошла ее стороной.

– Можете быть уверены в этом, мой шах, – сказала она.

Перихан спешно вернулась обратно через потайной ход, вышла из дворца и поспешила к своему дяде Шамхалу.

Падишах на день в окружении

Дурная весть распространяется очень быстро. Она летит быстрее ветра, быстрее птиц, стучится во все двери, превращая кого-то в своего пленника, а кого-то делая своим хозяином. Весть о смерти шаха быстрее молнии распространилась по дворцу. На беду Гейдара Мирзы в этот день гарем охраняли Вели бек Афшар, а также стражники из племен румов, афшаров, варсаков и каджар. Они все были сторонниками Исмаила Мирзы. Беседуя между собой, они считали правильным, что наследником должен быть именно Исмаил Мирза. Как только новость дошла до Вели бека, он приказал закрыть во дворце все входы-выходы. Пока извне не придет подмога, никого во дворец пускать было нельзя. В это время Гейдар шах, не зная, что делать, сидел в гареме с матерью и ждал Перихан, которая должна была вернуться с известием. Он знал, что Перихан способна успокоить сторонников Исмаила и подчинить их ему. Он так надеялся на Перихан, что даже не усмотрел в действиях Вели бека ничего предосудительного. Охрана была его обязанностью, и он выполнял ее. Пройдет немного времени и все образуется, все воспримут его в роли шаха. Он был уверен: Перихан умна и способна на многое. Если бы не она, отец официально передал бы престол именно ему. Но то, что шах никого из сыновей официально не объявил наследником, осложняло дело, более того, оно висело буквально на волоске. Вот когда все образуется, можно будет решить судьбу Перихан. Ее нужно было наказать за все ее грубое отношение к нему раньше. А пока пусть верно служит ему...

Прошло уже достаточно много времени, но сестры все еще не было. А мать требовала, чтобы он перешел к решительным действиям. Но он боялся предпринять что-либо, ибо боялся последствий. Перихан все равно что-то сделает и тогда все будет в порядке. Но спокойствие понемногу стало сменяться беспокойством. А время уже работало против него, ему надо было что-то сделать... Может, они не согласились с Перихан и уже убили ее?

Посоветовавшись с матерью, он вызвал к себе Вели бека.

Когда в покои вошел высокий, статный Вели бек, Гейдару Мирзе захотелось сразить его своим шахским величием, а потом властным тоном отдать приказания. На голове у того был тюрбан. Однако этот тюрбан отличался от тех, что носили религиозные деятели; Гейдар Мирза только теперь заметил разницу. Верхушка тюрбана была тонкой и высокой, а в скрученной как повязка передней части красовался большой сапфир в окружении двенадцати бриллиантов. Это наверняка говорило о почитании двенадцати имамов, указывало на шиитско-кызылбашское направление. Тело плотно облегал красного цвета архалук, его опоясывал кемер, с одной стороны которого висел украшенный драгоценными камнями кинжал, с другой – большая сабля. Голубого цвета шаровары были заправлены в сапоги из мягкой кожи, на низком каблуке и с широкими голенищами. Жесткая борода, усы с закрученными концами, глаза прищурены, брови густые. Как управлял отец такими страшными воинами?

Как не пытался Гейдар шах взять себя в руки, но повелительность в тоне ему не удалась. Ему показалось, что лучше будет, если вместо повеления он будет выглядеть горестным.

– Вели бек, наш великий шах покинул нас. Мы все остались сиротами. Государство осталось без отца. Но мы должны сделать так, чтобы его душа возрадовалась. Дабы в стране не было волнений, надо все сделать очень быстро. Нельзя оставлять страну без повелителя. Вот видишь, – показал он Вели беку бумагу, – это завещание. С печатью. Великий шах назначил меня наследником! Поэтому... Я хочу, чтобы первым, кто будет мне верно служить, был ты.

Вели бек на мгновение задумался, потом склонил колена, поцеловал край халата Гейдара, встал.

– Да будешь ты вечен, Гейдар шах, – сказал он, но тут же в его голове пронесся рой мыслей: «Чтобы ты сдох. Будто я не знаю, что завещание поддельное. Сами написали, сами же и печать поставили. Пока Фенгир тронется, а сторонники Исмаила Мирзы придут во дворец, надо терпеть этого мальчишку».

Гейдар Мирза, услышав слова начальника охраны, удовлетворенно кивнул.

– Смотри, Вели бек, хочу сделать тебе одно предложение.

– Я слушаю вас, мой шах, я готов выполнить все, что вы скажете.

Гейдар Мирза почувствовал, что огонь надежды в нем вновь разгорается.

– Если ты сейчас откроешь двери дворца ипустишь моих сторонников, знаешь, какое вознаграждение тебя ждет?

Вели бек, моргая, сделал вопросительное выражение лица.

– Какое, мой шах?

Гейдар Мирза сперва на этот вопрос ответил улыбкой.

– Я тебе поручу управление областью Керман. Заодно назначу тебя начальником стражи. – Гейдар Мирза внимательно посмотрел на начальника охраны, пытаясь понять, какое впечатление произвели его слова. – Хочешь, прямо сейчас издам указ? Пусть первый указ будет твоим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.